

1. Душенко, К.В. Словарь современных цитат / К.В. Душенко. – М.: Эксмо, 2005. – 864 с.

2. Knowles, E. The Oxford Dictionary of Modern Quotations / E. Knowles. – Second edition with supplement. – Oxford, New York. – OUP, 2004.

3. Knowles, E. The Oxford Dictionary of Quotations / E. Knowles. – 5-th ed. – Oxford, 2001.

•

Н.А. Меженская

**ВОДНАЯ СТИХИЯ В МИФОЛОГИИ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА**

Алексеевский педагогический колледж

Слово “стихия” является заимствованием из греческого языка. Существительное, от которого произошло русское “стихия”, имело значение “буква, элемент алфавита”, “тень от стрелки солнечных часов”, а также “основное положение, теорема, первичная материя, физический элемент; небесные частицы, природные духи”. Анализируя этимологию слова, А.Ф. Лосев приходит к выводу, что основной идеей является мысль о первоначальном зарождении, сдвиге в природе, жизни, в бытии вообще, который оказывается “уже в своем первоначальном состоянии чем-то строго определенным, отличным от другого и движущимся с ним в одном ряду” [8: 96]. Таким образом, первоначальный сдвиг и даже просто первое проявление, а вместе с ним и закономерное соответствие всему окружающему – вот то, о чем говорит этимология греческого слова... С этой точки зрения стихия обозначает первоначальную определенность бытия... нечто раздельное и четкое, подобно тем буквам-атомам, из которых, по мнению атомистов, составляется вся действительность.

Сфера бытования этого слова – философская литература, где оно стало термином в значении “первая и самая простая часть чего-либо, основание, начало, элемент” [8: 97]. Термин приобрел эстетическую окраску, что основано на античном понимании мира, космоса как физической реальности, живой природы и на учении об этом космосе, об элементарных стихиях, организующих его своим вечным движением, возникающим и уничтожающим. Впервые вопрос о первоосновах всего сущего был поставлен у философов милетской школы. Стихия для них – это то, что образует все существующее. В философском плане, по мнению исследователей, глубинные корни учений о стихийном переосмыслении бытия уходят в архаическую мифокультуру, где каждая из субстанций соотносилась с мифологическим олицетворением: Зевс – огонь, Гера – земля, Нестиды – вода, Ай-

дней – воздух. Именно философское учение о “четверице” стало известно в Древней Руси.

Немаловажным фактором, способствовавшим широкому распространению учения о четырех стихиях на Руси, является то, что еще до принятия христианства, а с ним и переосмысления понятия “о четверице”, в славянской мифологии существовал целый комплекс представлений об этих составляющих природы. Огонь, вода, земля, воздух издавна, с языческих времен, почитались важнейшими основами мироздания, поэтому верования, обряды, ритуалы, связанные с ними, составили огромный пласт в культуре, искусстве, языке.

Все индоевропейские народы считали воду культовым явлением. Она олицетворяет могущество природы, ее изменчивость, непредсказуемость. Согласно мифопоэтической традиции, вода может быть верхней, небесной (в поэтических сказаниях славяне уподобляли небо всесветному морю) и нижней (погребальные воды, воды преисподней). Вода, как и огонь, может быть внутренней, животворящей и внешней, относящейся к Хаосу. Понятие воды легло в основу понятия души, дыхания. Вода в древности понималась как космогоническая ось, отождествляемая с путем, дорогою, связывающей все три мира – верхний, средний и нижний [6: 388].

Осознавая огромное значение воды, человек с глубокой древности испытывал к ней два чувства: благодарность (как к источнику жизни) и страх (как к явлению огромной разрушительной силы). В основном вода выступает в народных обычаях как добрый образ. Ей приписывают чудесные свойства: силу плодородия, силу исцеления, силу вещую. Но рано появилось двойственное отношение к воде. С одной стороны, она – источник силы (живая и мертвая вода), средство очищения. Славяне обожествляли источники, считая, что через них из земли выходит ее сила, совершали обливание перед важным событием. С другой – она является границей между миром людей и тем светом (обычай отправлять усопшего в лодке), также в воду погружается душа человека после смерти (обычай выливать всю воду, имеющуюся в доме). Страх другого человека перед грозными природными явлениями, связанными с водой, отразился в поверьях о том, что в ней обитают водяные, русалки, черти, отсюда возникли ритуалы, ограждающие людей от плутней, нечисти: “И огонь, и вода – стихии светлые, не терпящие ничего нечистого; первый пожигает, а вторая смывает и топит всякие напасти злых духов” [3: 93].

Шумный плеск, вечное движение и стремительные разливы вод, заставляющие видеть в них нечто живое и могучее, падение воды с небес в виде дождя, росы и снега, ее плодотворная сила и участие во всех отправлениях жизни – все вело к обоготворению этой стихии. Веруя в ее небесное происхождение, перенося старинные представления о воде на земные источники, фантазия наших предков отдала их в заведование богам, духам и нимфам [3: 104].

Таким образом, не являясь стихией в терминологическом и богословском понимании, выделяемая и одухотворяемая древними славянами как явление природы, после краха научной и богословской концепции стихийного возникновения мира из четырех элементов вода получила возможность, как и три другие, именоваться стихией.

Стихии, пронизывая жизнь общества с древних времен до наших дней, прочно вошли во все сферы человеческой жизни. Поэтому вода, земля, огонь, воздух – это не просто слова, а общие культурные понятия, которые лежат в основе духовной жизни общества. Возможности использования “стихийного” подхода, по мнению Г.Гачева, широко распространены именно в этой области: “Обиходные и поэтические языки непрерывно производят зацепление баграми метафор, и вся художественная образность в искусстве и литературе может быть распределена и классифицирована по гнездам четырех стихий” [5: 48].

Исследуемый нами образ водной стихии своеобразно представлен в произведениях В. Астафьева. В его создании метафоре принадлежит определяющая роль. Постигая смысловую сложность, раскрывая завуалированный образ, читатель как бы разгадывает тайну, зашифрованную метафорой. Чем сложнее загадка, тем она выразительней:

Внезапно впереди сверкнуло и разлилось без волн, без морщин, без какого-либо даже самого малого движения и дыхания желтое беззвучное море. Скорбное молчание сковало это студеное затяжелевшее пространство. Сжалось у всех сердце, замедлился шаг – Боже, Боже, что это такое? Неужто хлебное поле, неужто со школы оплаканная несжатая полоса въяве? Смолкли, онемели, остановились. Шелестит немое поле, никаких звуков живых, никакого живого духа, одно шелестение, один предсмертный немощный выдох сломавшихся соломинок, по которым струится снежная пыль.

От толпы отделилась долговязая, неуклюжая фигура, глубоко проваливаясь в снег, наметенном меж смешанных сломанных стеблей, громко кашляя, забрел Коля Рындин в это мертвым сном наполненное море.

– Господи! Хлеб! – Коля Рындин хватал пальцами, мял выветренные колоски, сдавливал их ладонями, пытаясь найти в них хоть зернышко, но море было не только беззвучно, оно было пустое, без зерен, без жизни, оно отшумело, отволновалось, перезрело и осыпалось – всему свой срок и время всякому делу под небесами, время не только собирать и разбрасывать камни, но время сеять и убирать зерна [2: 225].

Покорность судьбе овладела им (Лешкой). Сам по себе он уже ничего не значит, себе не принадлежит – есть дела и вещи важней и выше его махонькой персоны. Есть буря, есть поток, в которые он вовлечен, и шагать ему, и петь, и воевать, может, и умереть на фронте придется вместе с этой все захлестнувшей усталой массой, изрыгающей песню-заклинание, призывающей на смертный бой одной мощной грудью страны,

на которой морозно, сумрачно навис морок. Где, когда выйдешь из него один-то? Только строем, **рекой, половодьем** возможно прорваться к краю света, к какой-то совсем иной жизни, наполненной тем смыслом и делом, что сейчас вот непригодны, да и неважны, но ради которой веки вечные жертвовали собой и умирали люди по всей большой земле [2: 44].

Поскольку язык художественной литературы – это лингвостилистическая система синтезированного характера, единицы которой предназначены создать образность как специфический признак художественного текста, в отборе этих единиц проявляется отношение писателя к изображаемому и особенности его мировидения [7: 75]. Поэтому наименования водной стихии в произведениях писателя используются с разными функциями – для обозначения:

– **человека:**

1.1) его физического состояния: *отвесно стекающие к подбородку складки (IV, 161); глаза мерцали влагой (IV, 312); голубой свет, пронизывающий сгустившуюся ночь, сочился из ее груди (IV, 37);*

1.2) психического состояния: *в березовой листве утонули и суровость ее, и озабоченность (I, 420); прошелся по застолью налитыми горем глазами (III, 45); Борис неуверенно тронул ее за волосы, захлестнутый ответной нежностью (II, 396);*

– **природы:** *вся тропа облита каплями малины, костяники, княженицы и волчатника (II, 306); земля не цветет, а буйствует, заливая себя в три, в пять слоев разноцветья (II, 631); расплескавшаяся по горному склону полоса жита (III, 124); брызнуло деревце душистыми каплями цветов (IV, 494);*

– **животного мира:** *к вечеру овод схлынул (I, 168); молчаливая и властная, плыла тень матери-соколихи (IV, 460);*

– **временных пространств:** *по морям, по волнам бурной современности (II, 215); время стронуло людей с отстоя, плывут они по волне жизни, и кого куда выбросит, тот там и укореняется (IV, 222);*

– **абстракций:** *немцы поливали передовую изо всего, что у них было в распоряжении (IV, 420); волн эфира и киноужасов (I, 75);*

– **предметов:** *снега полого и бескрайно лежат, среди них избушка одиноким челном плывет (IV, 25); устьем русской печки (II, 176);*

– **движения газа, звука:** *в смертном громе утонул одинокий крик (IV, 495); над берегом разбрызгивался задорный голос (IV, 120); в двери выплескивался дружный хор (IV, 52); проснулся я от солнечного луча, просочившегося в мутное окошко кладовки (IV, 63);*

– **стихии.** Каждая стихия обладает двумя качествами, роднящими ее с другими и в то же время отличающими от всех остальных. Так, вода тесно связана с огнем. В поэтической фантазии славян огонь и вода находились в супружеских отношениях, возле князя Огня народ ставил княгиню Воду. Подобное единство двух стихий можно наблюдать и у В. Астафьева:

синие всплески пламени (III, 433); бил до всплесков огня в глазах (I, 92); он закуривал на дороге, сердито брызгая искрами от зажигалки (II, 241).

Еще одной особенностью употребления наименований стихии воды в произведениях Астафьева является глагольная цепочка, именующая водные процессы для более полного создания образа: *Хлынула на траншею эта масса, провалилась, забурлила, заплескалась (I, 293); и небеса, от искры той зарею вспыхнув, зальют весь мир сияньем света, и, хлынув с неба, половодье утра затопит землю птичьим звоном (IV, 353);* или словосочетание глагол + сущ: *волной жалости омыло сердце человека (II, 506), брызнули дождем багровые шишечки кровохлебки и задвигались красными волнами (II, 526), темнота густым потоком хлынула в кухонное окно (III, 119).*

В художественном произведении образ может иметь не только метафорическое преломление, но и прямой план: “Художественное слово образно вовсе не в том только отношении, будто оно непременно метафорично” [4: 390]. В произведениях В. Астафьева можно найти прямое подтверждение этих слов: *Вода, как ей полагается, поднялась, собрала и подчистила лед по берегам, затопила луговину ниже поскотины (III, 74).*

Таким образом, в одних описаниях за счет употребления различных компонентов создается объемный всесторонне представленный образ водной стихии, в других – актуализируется какой-нибудь признак, характеризующий стихию воды в определенном направлении.

Библиографический список

- 1. Астафьев, В.П. Собр. соч.: в 6 т. / В.П. Астафьев. – М.: Молодая гвардия, 1992.
- 2. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты / В.П. Астафьев. – М., 2000.
- 3. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 2.
- 4. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М., 1959.
- 5. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: общие вопросы / Г.Д. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988.
- 6. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры / М.М. Маковский. – М.: изд. дом “Диалог”, 1999.
- 7. Мони́на, Т.С. Локация как этап речевой деятельности / Т.С. Мони́на // Семантика словоформы в высказывании. – М., 1996.
- 8. Скляр, М.С. Концепт слова “стихия” в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / М.С. Скляр. – М., 2005.